

ходимости изучать язык священных ведийских гимнов, в первую очередь его звуковую сторону. Отсюда — развитие в древней Индии прежде всего фонетики, а также этимологии (сборники *nighaṇṭu*).

Далее В. Рубен переходит к характеристике в самых общих чертах грамматики Паини. О работах других ученых, даже таких, как Вараручи Катьяяна и Патанджали, в книге не говорится (исключение представляет Кайята, упоминаемый на стр. 260). Таким образом, хотя вопросы истории наук автор и считает одним из предметов курса «Введение», однако он не касается истории становления науки о языке, а также разнообразной проблематики индийских языковедческих работ и их метода. Неполнота характеристики науки о языке видна и в том, что В. Рубен даже кратко не останавливается на оригинальных работах индийских лексикографов, продолживших традиции *nighaṇṭu*.

Более внимательное отношение к учению о языке в Индии способствует и более глубокому проникновению в тексты, написанные на индийских, особенно на древнеиндийских языках, лучшему пониманию и толкованию текстов. Что же касается важности текстологической работы, то здесь мы вполне согласны с автором (стр. 9). Перед индологами-языковедами стоит сейчас задача не только готовить к изданию неопубликованные еще памятники, но и критически пересматривать существующие старые издания.

*

Подводя итог рассмотрению вопросов языка во «Введении в индологию», следует сказать, что, несмотря на неполноту освещения материала по некоторым вопросам и спорность ряда положений, в книге В. Рубена дается удачное рассмотрение языков на фоне исторического развития Индии, сделанное с учетом ведущих положений марксистского языкознания. Главы и разделы книги, посвященные языкам Индии, а также памятникам индийской литературы и характеристике языка памятников, представляют несомненный интерес для наших языковедов-филологов.

В. А. Коцургина

—

Э. В. Севортян. **Фонетика турецкого литературного языка.** — М., Изд-во АН СССР, 1955. 152 стр. (Ин-т языкознания АН СССР)

Книга Э. В. Севортяна является первым на русском языке монографическим исследованием фонетики современного турецкого литературного языка. Нет необходимости говорить о том, что такая книга давно ожидалась всеми, кто занимается турецким языком, в первую очередь — учащимися и учеными. Книга задумана как пособие; по словам автора, она «предназначена для студентов и аспирантов, специализирующихся по турецкому языку» (стр. 3). Работа написана главным образом на основе имеющейся специальной литературы по вопросам турецкой фонетики и ударения; при изучении ряда вопросов, недостаточно освещенных в имеющейся литературе (долгота гласных, взаимодействие гласных и согласных, смягчение согласных, редукция и выпадение звуков, ударение и некоторые другие), автор опирался также на «собственные наблюдения, собранные им в разное время от живых носителей турецкого языка» (стр. 3).

Э. В. Севортян отмечает, что многие вопросы турецкой фонетики пока не получили удовлетворительного разъяснения, поскольку изучение фонетики турецкого языка все еще ведется на слух, без помощи звукозаписывающих приборов, и решительно высказывается за необходимость лабораторного исследования основных вопросов фонетики турецкого языка; с этим, конечно, нельзя не согласиться.

Известно, что первая попытка экспериментального изучения звуков турецкого языка была предпринята Л. Н. Старостовым¹. Этот первый опыт не нашел пока на страницах специальной печати никакого отклика; в работе, посвященной турецкой фонетике, уместно было бы дать оценку учебнику Л. Н. Старостова.

Книга Э. В. Севортяна состоит из следующих разделов: «Предисловие»; I. «Введение»; II. «Фонемы и их произношение»; III. «Классификация фонем. Взаимодействие фонем»; IV. «Ослабление и выпадение фонем»; V. «Типы слогов в турецком языке и стечение фонем»; VI. «Чередование фонем»; VII. «Ударение»; «Литература».

Во «Введении», где рассматриваются некоторые вопросы исторической фонетики турецкого языка, хотелось бы видеть хотя бы краткий очерк истории изучения фонетики турецкого языка с указанием при этом русских работ, имеющих непосредственное отношение к предмету исследования (В. А. Максимова, И. Н. Березин, В. Писарев, В. А. Гордлевский, Н. К. Дмитриев).

¹ См. Л. Старостов, Учебник турецкого языка. (Вводный курс), М., 1951.

Говоря об историческом развитии звукового состава и грамматического строя турецкого языка, Э. В. Севортин замечает: «... с развитием общественного труда и мышления, с ростом познания постепенно появились части речи, складывалось и усложнялось грамматическое строение слова..., в общественном сознании говорящих происходил процесс дифференциации значений слов, появлялись все новые и новые слова, и на почве всего этого в звуковом составе языка выделялись фонемы, служащие для различения смысла слов» (стр. 8). Здесь, в этой картине исторического развития языка, много схематичного, но заключительная мысль, что фонемы выделялись и о с л е ж е н и я грамматического строя, — не может быть признана беспорной. Звуковой строй и строй грамматический развивались, конечно, и а р а л л е л ь н о, и выделение фонем не могло отставать от процесса развития грамматического строя каждого данного языка.

Во «Введении» читатель найдет много интересных соображений по поводу истории сложения основных фонетических закономерностей турецкого языка (стр. 10 и сл.); замечу только, что, например, наблюдения за процессом ассимиляции согласных по глухости — звонкости и основными закономерностями губных ассимиляций на основе памятников рунической письменности требуют еще некоторых методико-методологических уточнений.

В современном турецком литературном языке автор насчитывает 34 фонемы: 12 гласных (8 — кратких, 4 — долгих) и 22 согласных, обозначаемых 29 буквами (стр. 23); в книге приводится краткое, но весьма четкое описание гласных и согласных фонем турецкого языка, однако нет определения самой фонемы как таковой, что совершенно необходимо в свете тех споров, которые еще недавно велись по этому поводу на страницах специальных журналов.

Нопрежнему остается неясным вопрос (и останется таким до экспериментального исследования) о характере согласного ξ при гласных заднего ряда (стр. 27—28); в такой позиции, по моему разумению, согласный ξ дает полудолготу, окрашенную призыванием g/x ; отмечу попутно, что *alan* «берущий» и *alan* «прогалина» (стр. 27) имеют совершенно одинаковое звучание¹.

В разделе «Классификация фонем. Взаимодействие фонем» рассматривается: 1) классификация гласных, 2) взаимодействие гласных, 3) классификация согласных, 4) взаимодействие согласных, 5) взаимодействие гласных и согласных. Говоря об одной из важнейших фонетических закономерностей турецкого языка — о гармонии гласных или о прогрессивной ассимиляции гласных, автор проводит последовательно ту мысль, что небная гармония в современном турецком литературном языке есть явление *у б ы в а ю щ е е* и что «явления десингармонизации в турецком языке уже налицо», хотя «было бы преждевременно делать выводы о полном развитии процесса распада небной гармонии» (стр. 37).

Список слов с нарушенной небной гармонией в общем очень невелик; кроме того, обращает на себя внимание один важный факт: в списке приведены слова, давно приобретшие асингармоническую форму и зарегистрированные прежними исследователями как исключения из правила. Возможно, что орфоэпические нормы слов *irak*, *hani*, *hangı*, *haydi* и т. п. — продукт устарелого, манерного стамбульского произношения, о котором, кстати, говорит сам автор (стр. 19). Для окончательного решения этого вопроса необходимо провести соответствующие наблюдения над фактами современного языка, развивающегося преимущественно на основе городских говоров Центральной и Юго-Западной Анатолии.

Наличие одновариантных аффиксов, т. е. аффиксов со стабильным составом гласных (*-ki*, *-daş/-taş*, *-leyin*, *-mtrak*, *-ken*), употребляющихся в такой форме только в литературном языке (см. стр. 37), объясняется стремлением к орфографической унификации аффиксов, впервые проиницированной при переходе на новый алфавит на латинской основе (1928 г.); что касается аффикса *-yor*, то он как явление еще довольно новое не мог приобрести сингармонической формы, а теперь, будучи нормативно закрепленным в этой форме, графически не подвергается дальнейшим изменениям; впрочем в диалектах он встречается в несколько ином фонетическом облике.

Заемствованные слова (стр. 36—37), как правило, сохраняют в литературном языке, на что указывает автор, свой исходный состав гласных, а поэтому могут лишь косвенно свидетельствовать о десингармонизации. Поставленный Э. В. Севортином вопрос о наличии явлений десингармонизации чрезвычайно важен для истории этого фонетического явления и в других тюркских языках; дальнейшее его изучение стоит в непосредственной связи с собиранием новых фактов, в первую очередь с подбором слов тюркского корня с асингармоническим составом гласных.

В связи с темой гармонии гласных говорится о том, что «аффиксы бывают двух-, четырех- и в немногих случаях шестивариантными» (стр. 39). Для читателей нетюркологов следовало бы пояснить, что шестивариантные аффиксы появились в резуль-

¹ См. *Türkçe Sözlük*, İstanbul, 1943, I, стр. 17.

тате соединения в единую (часто относительно единую) фонетическую систему аффиксов разных исторических пластов. Вообще шестивариантные аффиксы для истории турецкого языка представляют весьма большой интерес. Ряд интересных наблюдений сделан автором в такой важной, но мало изученной области турецкого сингармонизма, как область регрессивной ассимиляции (стр. 40—43).

В главе «Взаимодействие согласных» рассматривается ассимиляция (гармония) согласных (стр. 46 и сл.); в этой главе читатель найдет ряд наблюдений над разнообразными явлениями сложного механизма унодблечения согласных по глухости-звонкости и отклонений от этого закона. В дальнейших исследованиях предстоит поставить и изучить очень важный вопрос, совершенно необходимый для понимания действия законов гармонии гласных и согласных: влияние качества согласных на состав гласных в слове¹.

Важные вопросы поднимает и исследует автор в подразделе «Позиционные и комбинаторные изменения гласных» (стр. 54 и сл.). Наличие в аялауте глухих *k'* и *t* (стр. 65), вероятно, следует объяснить тем, что огузская основа турецкого языка исторически была разбавлена кыпчакскими включениями. Говоря о словах с начальным *m* (стр. 65—66), автор причисляет к собственно турецким словам с этим согласным в аялауте слово *mangal* «жаровня». Ш. Сами², Д. А. Магазаник³, Л. Будагов⁴ и ряд арабских словарей переводят это слово с пометой «арабское»; слово *mani* Л. Будагов выводит из арабского *manā*⁵.

Заключение о первоначальной звонкости-глухости турецкого аялаута, основывающееся на свидетельстве старой турецкой (арабской) графики, не может быть безусловно достоверным; и хотя сам автор призывает к осторожности при пользовании графическими показателями памятиков (стр. 67), тем не менее его заключение о конечных *c/ç* основывается лишь на показаниях старой турецкой графики (стр. 68). Гораздо более надежным вспомогательным средством при решении этого вопроса являются старые турецкие тексты, написанные латинским, греческим и армянским алфавитами.

Палатализация *l* под влиянием сонорного *y* подкреплена только одним примером: *yaylı*, произносится «яйли» (стр. 70); это не подтверждается «Орфографическим справочником» («İmlâ kılavuzu», İstanbul, 1941 [обл.: 1942]), где данное слово приводится в форме *yayla* (стр. 218), т. е. должно произноситься «яйла».

Рассматривая изменения согласных по нёбности-ненёбности, автор приходит к важному выводу: нёбная ассимиляция охватывает не только гласные, но распространяется также на слог и слово в целом, а потому, с некоторыми поправками, можно говорить о нёбном сингармонизме гласных и согласных в слове (стр. 73). Этот важный момент находится в прямом отношении к природе тюркского сингармонизма (см. выше).

Заканчивая рассмотрение процесса озвончения ~ неозвончения согласных в аялауте (и в этом подразделе сделан ряд интересных наблюдений), автор приходит к выводу: «В преобладающем большинстве случаев в интервокальной позиции происходит не озвончение конечного глухого смычного основы, а восстановление звонкости, исторически утерянной смычным согласным вследствие его конечной позиции в слове. Этимологические глухие смычные согласные между гласными или сонорным и гласным исторически не озвончались» (стр. 78).

Это заключение, важное само по себе, не подтверждено указанием на исторические примеры или специальные исследования, что в значительной мере ослабляет его доказательную силу. Замечено, что озвончение в односложных словах происходит, как правило, в тех случаях, когда гласный исторически был долгим: *at-i* «его лошадь», *ad-i* «его имя» < *aat* «имя»⁶.

Ряд тонких наблюдений читатель найдет и в разделе «Ослабление и выпадение фонем» (стр. 80 и сл.). Рассматривая редукцию начального гласного в формах *idi*, *imiş*, *ise*, *iken*, автор замечает: «Начальный *i* во всех подобных формах ослабляется и переходит в полугласный, обозначаемый на письме буквой *y* — знак среднеязычного сонор-

¹ См. Van Ginneken, La reconstruction typologique des langues archaïques de l'humanité, Amsterdam, 1939; см. также рецензию на эту работу В. Н. Ярцевой (ИАН ОЛЯ, 1940, № 3).

² Ш. Сами, Турецкий словарь (Камус-у-тюрки), Константинополь, 1900, стр. 1263 [на турецк. яз.].

³ Д. А. Магазаник, Турецко-русский словарь, 2-е изд., М., 1945, стр. 394.

⁴ Л. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II, СПб., 1871, стр. 258.

⁵ Там же, стр. 201.

⁶ См. A. Sevat Emre, Türkçede uzun vokaller, «Türk dili», Seri III, № 10—11, 1947, стр. 1—2.

ного. Примеры: *yazıcıydı* (из *yazıcı idi...*) «он был писателем» (стр. 81). Более значительная редукция, как отмечается на той же странице, наблюдается при сочетании послелого *ile* с именами, снабженными аффиксами принадлежности 3-го лица: *gelmisile* < *gelmisile* < *gelmisiyle* < *gelmisi ile* «с его приходом».

Ослабление начального *i* в приведенных глагольных формах и послелого *ile*, наблюдаемое в сочетании с гласным исходной основы, завершается образованием нисходящего дифтонга: *talebe idi* > *talebeydi* «он был студентом», *balta ile* > *baltayla* «топором»; ср. стр. 103—104.

Автору удалось сделать интересные наблюдения, касающиеся ослабления *y* и *v* в падении согласных. Несколько неожиданным является термин «соединительный согласный *y*», который, по мнению автора, мог бы именоваться и «разделительным» (стр. 88); этот согласный во всех примерах, приведенных на указанной странице, выступает субститутом согласных *γ*, *g* (см. еще стр. 96); в случаях, приведенных на стр. 97, среднеязычный сонорный *y* возникает по аналогии с турецкими образцами.

Значительный интерес представляет раздел, посвященный образованию дифтонгов (стр. 103—105); это мало изученное на материале турецкого языка явление получило в рецензируемой книге четкое освещение.

Говоря о долготе гласных (стр. 106 и сл.), автор задает вопрос: имеются ли в турецком языке долгие гласные в качестве отдельных фонем? На этот вопрос он отвечает: «Многочисленные факты позволяют ответить на поставленный вопрос положительно» (стр. 111). Какие же это факты? Наличие таких форм, как *ağla* (произносится «ага») «плачь» и *ala* «пестрый». Этот и им подобные примеры, которые теперь обычно приводятся в качестве доказательства наличия в турецком языке долгих гласных, не до конца убеждают, так как на мой слух сочетание *ağ*, например, воспринимается не как чистое \bar{a} , но как $a\frac{x}{e}$. Проблема долгих гласных в турецком языке, равно как и другие важные вопросы турецкой фонетики, могут быть разрешены только при помощи экспериментальных исследований.

Стечение согласных (стр. 113 и сл.) довольно хорошо изучено; однако и в этом разделе мы находим ряд наблюдений, детализирующих уже известные положения; к ним относятся, например, установление характера протетического гласного и др.; на стр. 117 указывается, что «вспомогательный гласный появлялся в ограниченном числе случаев также перед сонорными *r* и *l*, если за ними следовал *uz* и *iy* гласный» (разрядка моя. — А. К.); ср., однако, *ramazan* < ар. *ramazan*; следовало бы указать, что определяющим является не качество гласного, следующего за этими согласными, а характер самих согласных: сонорные *l*, *r* в словах тюркского корня в аналауте не встречаются, а потому и возникает необходимость в соответствующей фонетической обработке таких слов.

В разделе, посвященном чередованию фонем (стр. 120 и сл.), особый интерес представляют наблюдения над явлением позиционных ограничений в употреблении фонем и над их комбинаторными чередованиями.

Изучение турецкого ударения имеет уже довольно длительную историю; тем не менее до сих пор многое в природе и характере ударения в турецком языке не ясно. Возникают даже далеко идущие сомнения: «...gibt es im Türkischen keinen Akzent?». Расхождения во взглядах по основным вопросам ударения в турецком языке, сомнения и пр. связаны с теми же обстоятельствами, что и в фонетике, т. е. с недостаточной изученностью проблемы ударения при помощи соответствующей аппаратуры.

Раздел об ударении начинается с очень полезной справки по истории изучения турецкого акцента; в нем излагаются основные теории ударения в турецком языке. Свою точку зрения на природу турецкого ударения Э. В. Севортян формулирует так: «В турецком языке ударение является преимущественно экспираторным или динамическим. Помимо него в слове имеется также музыкальное или тоновое ударение» (стр. 130). Экспираторное ударение распадается на главное и второстепенное (стр. 131). Автор убедительно показывает, что положение К. Нильсена о решающем значении протяженности слогов и полнозвучия гласного не подтверждается, как не подтверждается и мнение И. Кувоша, Г. Яринга и других тюркологов о начальной позиции основного экспираторного ударения (стр. 131). Раздел «Ударение» содержит много ценных наблюдений, результаты которых изложены в стройной системе хорошо подобранного и систематизированного фактического материала.

Э. В. Севортян добросовестно использовал все имеющиеся в его распоряжении возможности: личные наблюдения и материалы, представленные в специальной литературе; в результате его усилий тюркологи, специалисты по общему языкознанию и языкам других семей, преподаватели турецкого языка и студенты получили первое по-

¹ См. В. Collinder, Gibt es im Türkischen keinen Akzent?, «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. 95, Heft 2 (N. F. Bd. 20), 1941.

собие по такому мало разработанному, но чрезвычайно важному разделу турецкого языкознания, как фонетика современного турецкого литературного языка. Книга Э. В. Севорьяна подводит итог всему тому, что сделано в области турецкой фонетики. Дальнейшее движение в этой области связано с переходом на современные методы фонетических исследований — изучение основных вопросов фонетики турецкого языка на основе экспериментальных данных.

А. Н. Кононов

Erkki Itkonen. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen, «Finnisch-ugrische Forschungen», Bd. XXXI, Heft 3, Helsinki, 1954, стр. 149—345.

Появление работы Эрkki Итконена, посвященной столь плохо разработанной проблеме, какой является вокализм финно-угорских языков, следует всемерно приветствовать. Э. Итконен является одним из немногих специалистов, занимающихся изучением истории гласных звуков финно-угорских языков. Из-под его пера вышел уже ряд ценных работ по этому вопросу¹. Рецензируемая работа посвящена изучению истории гласных марийского и пермских языков; она содержит в себе, по существу говоря, два самостоятельных исследования (о вокализме марийского языка и о вокализме пермских языков), в известной мере объединенные фактическим языковым материалом, рассматриваемым в работе. Мы намерены коснуться в нашей рецензии лишь той части работы, в которой говорится о вокализме пермских языков, вторую часть работы (о вокализме марийского языка) мы не рассматриваем, так как считаем себя недостаточно компетентными в вопросах марийского языкознания.

Э. Итконен представляет себе систему гласных фонем первого слога допермского (vorpermisch) и общепермского (urpermisch) языка-основы в следующем виде:

Допермский	Общепермский]
a ä	a ε
o — \bar{o} e — \bar{e}	o \bar{o} e
u — \bar{u} \bar{u} i — \bar{i}	\bar{u} \bar{u} \bar{u}
	u i i

Таким образом, в допермском языке — вернее, в общеприбалтийско-пермском языке-основе (эти же гласные реконструируются для домарийского языка) — предполагается существование гласных следующих видов: долгие и краткие, переднего ряда и заднего ряда (гласных среднего ряда не было), нижнего, среднего и верхнего подъема. Из этой допермской системы гласных выработался общепермский вокализм. В общепермском языке, по мнению Итконена, произошли троякого рода изменения, которые коренным образом поколебали допермскую систему гласных: 1) исчезли различия между долгими и краткими, остались только краткие; 2) прежнее «двухрядность» гласных (заднеридные и переднеридные) заменилась «трехрядностью» — появились среднерядные гласные; 3) кроме трех ступеней подъема гласных (открытые, полузакрытые и закрытые), выработалась четвертая ступень, которая ложалась между полузакрытыми и закрытыми гласными (выражаясь нашей терминологией, появились закрытые гласные среднего подъема).

Эти две реконструируемые системы гласных (допермская и общепермская), безусловно, представляют интерес как рабочая гипотеза. Однако они обе требуют уточнения и, главное, увязки между собой, а также соответствующей аргументации предполагаемых звуковых изменений. Между тем звуковые изменения, происшедшие в допермской системе гласных и приведенные, по мнению Итконена, к общепермской звуковой системе, в рецензируемой работе не аргументированы или лишь частично (в весьма

¹ «Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen» («Finnisch-ugrische Forschungen», Bd. XXIX, Heft 1—3, Helsinki, 1946); «Vokaalikombinaatiot ja vartalotyypit» («Virittäjä», 1948, стр. 129—144); «Der ostlappische Vokalismus vom qualitativen Standpunkt aus» (Helsinki, 1939); «A finnugor nyelvek hangsúlyviszonyairól» [«Nyelvtudományi közlemények», LVI (1954. évfolyam), Budapest, 1955] и т. д.